

Жизнь всего лишь сон, чьи образы порой
Вновь посещают нас: одни тревожат часто,
Другие — редко, ночью или днем,
А иногда и днем и ночью...

Джеймс Томсон

Тепло роскошной мягкой кровати обволакивало, будто кокон. Фабиан лежал и смотрел в окно сквозь раздвинутые шторы. Красные лучи пронзали рассветное небо — розовое, кровавое.

Он повернулся, посмотрел на спящую девушку рядом. Потом встал и голым прошел к окну, перешагивая через одежду на полу. За окном стоял утренний туман, поднимались клубы дыма от сжигаемых после зимы обрезков виноградных лоз. Как будто убирали трупы после битвы, подумал он. Внезапно Фабиана пробрала дрожь. Его худое, жилистое тело покрылось мурашками.

Он с удовольствием вдыхал воздух, насыщенный утренней влагой и странным животным запахом девушки. Почесался, еще раз посмотрел в окно, чувствуя себя как-то не в своей тарелке.

В дверь раздался осторожный стук, за ним послышался глухой удар.

— Фабиан?

— Одну минуту.

Горло саднило от этой попытки прокричать ответ шепотом. Девушка пошевелилась, простыни зашуршали, как лист на ветру. Потом она снова замерла.

Фабиан натянул джинсы, рубашку без воротника, пуловер. Остальную одежду засунул в сумку, плеснул в ли-

цо холодной водой. Отерся полотенцем, шагнул было к девушке, остановился, взял сумку и, выйдя из комнаты, бесшумно закрыл за собой дверь.

Отто, Чарльз и Генри уже ждали его. Отто, высокий, с крючковатым носом, нависавшим надо ртом, гладко зачесанными назад черными волосами, рябоватым лицом, в пальто из ткани в елочку, мешком висевшем на его долговязой фигуре, казался похожим на хищную птицу. Чарльз стоял рядом с ним, потирая руки, смотрел сонным взглядом с обычным своим недоуменным выражением, словно утро подкралось незаметно и застало его врасплох.

— Боже мой, я чувствую себя идиотом. — Он зевнул.

Генри прислонился к машине и стоял, закрыв глаза и засунув руки глубоко в карманы.

— Извините, что проспал, — сказал Фабиан, открывая заднюю дверь «фольксвагена» и вытаскивая скребок.

— А кофе мы не сможем выпить перед отъездом? — спросил Чарльз.

— Давайте где-нибудь по дороге, — предложил Фабиан, проводя резиновой кромкой скребка по лобовому стеклу, матовому от влаги.

Здесь еще стояла темнота. Он посмотрел на черные угрожающие силуэты высоких сосен и холодные серые стены шато. На окна, пытаясь найти то, что с раздвинутыми шторами. Ему показалось, что там мелькнуло лицо, и он отвернулся.

— На первом отрезке поведу я.

Чарльз и Генри сели на заднее сиденье, а Отто расположился на переднем пассажирском. Фабиан включил зажигание. С шумом двигатель ожил, застучал, произвел громкий выхлоп, вроде бы схватился, но тут же заглох.

— Потрясно, — сказал Чарльз. — Утро будет совершенно потрясное.

— Да-а, очень неплохое, — сказал Генри своим неторопливым, низким голосом и снова закрыл глаза. — Разбудите меня в Кале.

— Я бы предпочел ехать на юг, а не на север, — сказал Отто, пытаясь застегнуть ремень безопасности. — Что за хрень — никак не могу запомнить, как это делается.

Двигатель затарахтел, потом снова схватился, бешено закашлял.

— Извини, Фабиан, что вытащили тебя, — сказал Чарльз.

Фабиан пожал плечами, подался вперед, включил фары.

— Как она — хорошо подмахивала? — спросил Отто.

Фабиан улыбнулся и ничего не сказал. Он никогда не распространялся о женщинах.

Девушка с подавленным, опустошенным выражением лица стояла у окна и смотрела, как скрывается в тумане красный «гольф». Осторожно притронулась к левой руке — рука болела адски. Подошла к туалетному столику, села перед ним, уставилась на себя в зеркало. Поморщилась, потом снова принялась разглядывать фиолетовые синяки на груди, царапину на левой щеке, распухший правый глаз и губу, потрескавшуюся, в запекшейся крови. Долго смотрела в глаза своему отражению, не в силах отвести взгляд, потом осторожно запустила пальцы между ног, поморщилась от боли при одном прикосновении.

— *Salaud*¹, — сказала она.

— Как думаешь, на какой паром мы успеем? — спросил Чарльз.

— Если дорога все время будет такой, то доберемся до Кале часа в четыре.

¹ Подонок (фр.). — Здесь и далее примеч. перев.

— Ты, Фабиан, везучий сукин сын.

— Везучий?

— Да, везучий.

«Дижон»... «Макон»... «Лион»... «Париж»... Дорожные знаки мелькали один за другим, а Фабиан жал на педаль газа на развязке, ощущая, как вгрызаются в асфальт покрышки машины, как сопротивляется рулевое колесо. Слышал резкий рев прогретого двигателя, и захватывало дух от езды по открытой, пустой дороге. Кривая спрямлялась, переходя в магистраль, и Фабиан вдавил педаль в пол, отчего «фольксваген» рванулся вперед. Иногда ему казалось, что машина сейчас оторвется от земли и полетит — прямо к звездам. Он следил за тахометром и переходил на следующую передачу каждый раз, когда стрелка касалась красной зоны, пока не добрался до пятой, после чего кинул взгляд на спидометр, по-прежнему вжимая педаль газа в пол. Сто двадцать пять. Сто тридцать.

— Какие планы на этот семестр? — спросил Фабиан, перекрикивая рев двигателя и ветра.

Отто и Чарльз переглянулись, не понимая, к кому обращен вопрос. Отто вдавил зажигалку в гнездо и вытряхнул помятую сигарету из сплюснутой пачки «Мальборо».

— Я не составляю планов. Никогда.

— А что твои родители? — спросил Чарльз.

— Мои? — переспросил Фабиан.

— Да.

— В норме, — неохотно ответил Фабиан. — По-прежнему врознь. Как твоя мать?

Он поднял руку, покрутил рукоятку и открыл люк. В машину ворвался поток ледяного воздуха и рев, заглушивший ответ Чарльза. Фабиан посмотрел на солнце справа — низкий красный шар, поднимающийся над холмами Бургундии. Благодаря ему нальется соком вино-

град, а из него сделают вина: великие белые, великие красные. Красные, как кровь. Лет через двадцать он, может быть, откроет бутылочку «Кло-де-Вужо», наклонится к кому-нибудь и скажет: «Я видел солнце, которое теперь в этой бутылке, я был там».

Снова накатило ощущение неумолимости судьбы. Шар солнца вдруг показался слишком близким. Захотелось открыть окно и оттолкнуть его. Лучи света поиграли на приборном щитке, пробежали по нему, яркие, живые. «Словно свежая кровь», — опять подумал он.

— В этом семестре я попытаюсь научиться играть в крикет, — заявил Чарльз.

— Крикет... — Отто бросил на него странный взгляд. — Возможно, Кембридж — моя последняя возможность поиграть.

— Ты сказал — крикет? — прокричал Фабиан.

— Да! — крикнул ему в ответ Чарльз.

Вдали мелькнуло скопление красных огоньков. Рассветло еще не окончательно, а потому четко разглядеть, что там такое, было затруднительно. Несколько автомобилей собрались в кучу, мигает оранжевый огонек, что-то смещается в среднюю полосу. Фабиан вырулил на скоростную полосу, чуть придавил педаль газа, включил фары.

— Не знал, что ты играешь.

— Я был в основном составе Винчестера.

— В основном составе дрочеров, — усмехнулся Фабиан, на миг повернув голову.

— Кого?

— Дрочеров!

— Фабиан!

Фабиан услышал голос Отто — странный, сдавленный, пересекающийся. Почувствовал, как того передернуло, как он напрягся. Снова устремил взгляд на дорогу.

Прямо ему в глаза бил приближающийся свет фар. Крупные, расположенные высоко ослепляющие фары двигались им в лоб по встречке — по их полосе.

— Грузовик! — прокричал он. — Черт!

Он перебросил ногу на педаль тормоза, понимая, что это лишено смысла — слишком поздно. В мерцании желтых фонарей увидел две последние цифры номера: 75. Париж, подумал он.

А потом он вдруг оказался над «гольфом», посмотрел вниз. Сквозь открытый люк он видел Отто, Чарльза и Генри. Они дергались, как тряпичные куклы. Он смотрел как зачарованный, наблюдал все словно в замедленной съемке. Потом увидел, как «гольф» начал сминаться, ударившись о передок грузовика, и понял, что это и не грузовик вовсе, а легковая машина — «ситроен», одна из больших старых моделей, внушительная, высоко поднятая над землей.

Сначала смялся капот, потом пошла крыша, затем лобовое стекло словно превратилось в перья — в сотни тысяч перьев, которые запорхали вокруг. Что-то теперь летало в воздухе, какие-то формы, большие и малые. Задние двери «ситроена» открылись — одна внутрь, другая наружу, а сам «ситроен», казалось, развернулся. На заднем сиденье лежали упаковки, которые начали медленно взмывать вверх. Они ударялись о крышу, раскрывались, вылетали маленькие человечки — белые, коричневые, черные. Все пушистые, с раскинутыми руками, они вращались в воздухе в подобии странного ритуального танца. «Плюшевые мишки», — понял он, глядя, как они падают, подпрыгивают, снова падают.

В воздухе пахло бензином — чудовищно резкий запах. Все на секунду подернулось дымкой, словно снизу подсунули матовое стекло. Потом раздался странный глухой хлопок, как если бы взорвалась покрывка, а вслед за этим долетел обжигающий жар. Первыми занялись ог-

нем плюшевые мишки, потом стала отслаиваться краска на машинах.

Фабиан завибрировал от жары, его пробрала непреодолимая дрожь. Он попытался пошевелиться, но не смог. Все теперь подернулось дымкой, которая надвигалась, смыкалась вокруг него.

— Нет, — вдруг сказал он. — Нет! — Он завертел головой как безумный, снова попытался вырваться. — Кэрри! — кричал он. — Кэрри!

Потом он вдруг перестал чувствовать жар. Он снова несся по шоссе. Свет теперь был ослепительно-белым. «Вероятно, солнце взошло слишком быстро», — подумал он, сжимая руль. Почувствовал, как машина набирает скорость. Переключать передачи не требовалось, «гольф» ускорялся сам по себе вне дороги, скользил над поверхностью. Разметка исчезла, исчезли дорожные знаки и всё-всё. Он теперь летел, он мог долететь до звезд! Фабиан потянул рулевое колесо на себя, но машина не набирала высоту, она только бесшумно мчалась через свет к исчезающей точке в белом тумане на горизонте. Он пролетел над обломками дымящейся машины у обочины, потом мимо лежащего на боку автобуса, мимо грузовика с разорванной на две половины кабиной, двух ржавых, брошенных машин, которые сплелись, словно подравшиеся жуки, еще одной машины, в которой сквозь пламя можно было смутно разглядеть горящие фигуры. Свет впереди с каждой секундой ослеплял все сильнее. Фабиан вгляделся. Сиденье Отто было пусто.

— Где Отто?

— Вероятно, выпал, — сказал Чарльз.

— Он только что закурил. Где его сигарета?

— Наверное, взял с собой.

Голос Чарльза звучал как-то странно, словно издали. Фабиан оглянулся через плечо. Он помнил, что сзади сидят Чарльз и Генри, но уверен не был.

— Чарльз, мы столкнулись с той машиной?

— Не знаю. Кажется.

Слепящий свет обжигал глаза. Фабиан наклонился и пошарил в поисках солнцезащитных очков. Увидел впереди тени в белом тумане,двигающиеся фигуры.

— Réage¹, — сказал он. — Мне нужно немного денег.

— Нет, — возразил Чарльз. — Не думаю, что нам потребуются деньги.

Фабиан почувствовал, что машина взмывает вверх, а потом уходит из-под него. Вдруг понял, что повис в белом свете, тот согревал его, и Фабиан устроился в нем поудобнее. Увидел идущие к нему фигуры. Потом он снова вспомнил, и его начало трясти.

— Кэрри! — Он попытался кричать этим фигурам, но никаких звуков произвести не мог. — Кэрри! Ты должна позволить мне. Должна!

Теперь они стояли вокруг него и дружелюбно улыбались, радуясь встрече.

¹ Плата за проезд (*фр.*).

Официант налил на один дюйм «Шамбертена» в бокал Дэвида, потом отошел и замер неподалеку. Дэвид посмотрел бокал на тусклый свет, покрутил вино, чтобы растеклось по стенкам, взгляделся в винные слезы — в то, что осталось на стенках, когда вино осело. Втянул запах носом, нахмурился, опрокинул содержимое бокала в рот, шумно побулькал, потом начал жевать его, словно это было не вино, а кусок стейка. «Не выплевывай его назад, господи боже, не выплевывай, — твердила Алекс про себя, — видеть не могу, когда ты выплевываешь».

К ее облегчению, муж кивнул официанту, и попытка закончилась.

— «Шамбертен» семьдесят первого года, — гордо проговорил он, словно сам его и изготовил.

— Вот как. — Алекс попыталась изобразить заинтересованность, прикинуться, будто она и правда способна оценить хорошее бургундское вино, хотя на самом деле не могла отличить бургундское от кларета и сомневалась, что когда-нибудь научится. — Спасибо, очень приятно.

— Ты сегодня как-то формально изъясняешься. Я будто пригласил на чай незамужнюю тетушку.

— Извини, я попытаюсь не говорить формально.

Она посмотрела на его загрубевшие руки, на его короткие пальцы, красные, словно с них ободрали кожу,

с черными полосками грязи под ногтями. На его поношенный твидовый костюм и потрепанную шерстяную рубашку. Это часть его нового образа? Или же ему и в самом деле все равно? Лицо загорелое, расслабленное, слегка обветренное — типичный сельский житель. Волосы растрепаны, борода торчит кустом.

Он поднял бокал, наклонил в ее сторону:

— Твое здоровье.

Она взяла свой, они чокнулись.

— Ты знаешь, почему люди чокаются? — спросил он.

— Нет.

— Ты можешь видеть вино, обонять, осязать его, вкушать. Но услышать его не можешь! Поэтому люди чокаются — чтобы задействовать все пять чувств.

— Ты так на всю жизнь и останешься рекламщиком. Это у тебя в крови. — Алекс улыбнулась, достала сигарету. — А как насчет телепатии? Ты можешь общаться с вином?

— Я с ним все время общаюсь. Даже разговариваю с моими лозами.

— И они тебе отвечают?

— Они не очень болтливы. Я думал, ты бросила курить.

— Я бросила.

— Вот что с тобой делает Лондон. Пожирает тебя, сбивает с толку. Ты начинаешь делать то, от чего отказалась, и не делаешь того, что себе обещала.

— Делаю.

Он кивнул, неохотно ухмыляясь:

— Да. Возможно.

Алекс улыбнулась и вскинула брови.

— Выглядишь ты очень соблазнительно.

Она покраснела: никогда не умела принимать комплименты.

— Спасибо, — чопорно ответила она.

- Ну вот, опять старая тетушка.
 - А что бы я должна была ответить, по-твоему?
- Он пожал плечами, понюхал вино.
- От Фабиана есть известия?
 - В последние дни — нет. Он завтра приедет.
 - А когда возвращается в Кембридж?
 - На выходных.

На лице Дэвида отразилось огорчение.

- Что случилось?
- Я надеялся, он приедет на выходные. У нас посадки.

Алекс откинула с лица выбившиеся пряди светлых волос. Не без раздражения: ей не нравилось говорить о Фабиане, и, кажется, Дэвид это заметил.

— Знаешь, дорогая, — сказал он, — то, что мы теперь врозь... это такая глупость... Неужели мы не могли бы...

Она еще не успела ответить, как он почувствовал, что уперся в стену.

Алекс помяла сигарету в пальцах, покатила ее туда-сюда, потом несколько раз щелчком стряхнула пепел в пепельницу, положила сигарету на край.

— Дэвид, я много думала обо всем этом. — Сигарета упала на розовую скатерть, и Алекс снова взяла ее, затерла остаток пепла на скатерти пальцем. — Я хочу развода.

Дэвид раскрутил вино в бокале, делая это на сей раз как-то нервно, отчего несколько капель выплеснулось ему на руку.

- У тебя кто-то есть?
- Нет.

Она снова смахнула волосы с лица. «Слишком поспешно», — подумал он, пытаясь прочесть ее мысли по румянцу, по выражению голубых глаз, уставившихся в скатерть. Господи, до чего же она была красива. Уверенность в успехе и сопутствующая этому жесткость изме-

нили Алекс в лучшую сторону. Теперь притягательность и красота превосходно уравнивали друг друга.

— Тебе совсем будет невозможно, если я останусь?

Она отрицательно покачала головой:

— Нет, Дэвид, я не хочу, чтобы ты оставался.

— Но это мой дом.

— Наш дом.

Он отпил еще вина, снова понюхал его, раздраженно, разочарованно.

— Я поеду в Суссекс.

Дэвид высадил ее на Кингс-роуд в верхней точке тупика.

— Я тебе позвоню, — сказал он.

Она кивнула, прикусила губу, прогоняя нахлынувшую грусть.

— Будет мило с твоей стороны.

Алекс хлопнула дверью заляпанного грязью «ленд-ровера», отвернулась и торопливо пошла по улице мимо шикарных дверей таунхаусов в стиле Регентства, щурясь от дождя и слез. Бросила пальто на вешалку, прошла в гостиную, беспокойно зашагала по комнате. Посмотрела на часы. Половина двенадцатого. Она была слишком взволнована, чтобы уснуть.

Открыв дверь под лестницей, она спустилась по узкому проходу в подвал, убрала заслонку, защищающую от света, погрузилась в знакомые запахи химикалий в провочной. Закрыла за собой дверь; щелчок замка прозвучал, как пистолетный выстрел. Она вдруг остро почувствовала тишину, царящую здесь, и на мгновение подумала, уж не переносится ли шум светом. Если ты блокируешь свет, то не блокируешь ли тем самым и звук? Она прислушалась к тем звукам, что производила сама — дыха-

ние, шелест блузки. На мгновение почувствовала себя незванным гостем в собственном доме.

Она включила подсветку в просмотрном столике, сняла пленку с негативами с просушки, положила на столик. Внимательно присмотрелась к одному из кадров — здоровенному черному трубчатому объекту с двумя обращенными к ней головами.

Алекс разрежала пленку на четыре части, положила их на устройство контактной печати. Включила красный фонарь, взяла из коробки лист фотобумаги, засунула в печатное устройство. «Тысяча один, тысяча два, тысяча три...» Досчитала до пятнадцати, потом выключила свет и сунула фотобумагу в ванночку с проявителем. Встряхнула ванночку, резко качнула ее. Лист фотобумаги громко стукнулся о дальнюю стенку.

Сперва виднелось лишь нечто белое на белом, потом появилось что-то смазанное, серебристое. Затем отверстия, далее очертания двух овалов, один ниже другого. Что это такое? Стало проявляться что-то длинное между овалами, и тут она поняла. «Сукин сын!» — усмехнулась Алекс. Начали появляться волоски, а потом и сам фаллос — толстый, дряблый, с обвислой крайней плотью, маленькой щелочкой спереди, наводящей на мысль об уродливой усмехающейся рептилии. «Это чей же, — подумала она. — Слоновий? Явно не человеческий. На человеческий совсем не похоже».

Она покачала головой, вытащила бумагу из проявителя, бросила в ванночку с закрепителем. Несколько секунд тихонько покачивала ванночку, потом посмотрела на часы и выждала еще сорок секунд. Наконец вытащила лист, опустила его в воду для промывки, снова проверила время. Убрав все, она опять нетерпеливо сверилась со стрелками. Когда прошло пять минут, вытащила бумагу и повесила сушиться. На нее смотрели тридцать шесть

фаллосов, вернее, один и тот же, снятый под чуть разными ракурсами.

Направляясь вверх по лестнице, она еще раз усмехнулась. На сердце полегчало, словно она одержала тайную личную победу над Дэвидом.

Вздвогнув, Алекс проснулась в своей большой кровати и сразу же подумала: уж не проспала ли? Протянула руку, взяла часы. Шесть пятнадцать. Она с облегчением опустила руку и закрыла глаза. Издалека с Кингс-роуд донесся грохот едущего грузовика. Потом раздался щелчок замка — похоже, ее входной двери. Она напрягла слух, но вскоре поняла, что, вероятно, ей послышалось, и закрыла глаза. Еще час сна. Так необходимого ей сна. Легкие саднило, в висках пульсировала боль. Она всегда слишком много курила и пила при встречах с Дэвидом. Разъезд с ним оказался делом непростым. Иногда, думалось ей, даже более трудным, чем продолжение совместной жизни.

Перед глазами в темной комнате промелькнула тень, и вдруг стало холодно. Она открыла глаза и увидела над кроватью Фабиана — совершенно отчетливо, несмотря на темноту.

— Дорогой!

— Привет, мама.

Она уставилась на него — он показался ей взволнованным, возбужденным.

— Дорогой, я тебя не ждала раньше вечера.

— Мне сейчас нужно отдохнуть — ужасно устал.

— Вероятно, ехал всю ночь.

Фабиан улыбнулся:

— Ты поспи еще, мама.

— Поговорим позже, — сказала она и закрыла глаза в ожидании, когда раздастся щелчок закрывающейся двери.

Но никакого щелчка не последовало.

— Фабиан, дорогой, закрой дверь.

Потом она открыла глаза и увидела: дверь закрыта. Недоуменно улыбнулась и задремала.

Казалось, прошло всего несколько секунд, а потом донесся пронзительный вопль попавшего в беду насекомого — взволнованный, настойчивый, набирающий силу. Алекс потянулась к часам, чтобы остановить их, пока они не разбудили Фабиана. Ее рука шарила по прикроватной тумбочке — ключи, книга, стакан воды, жесткая чешуйчатая обложка «Филофакса»¹. Пронзительный, настойчивый визг продолжался; она лежала несколько секунд в ожидании — пусть прекратится сам, потом вспомнила, что ждать не стоит: эти замечательные часы на солнечном элементе никогда сами не выключаются, они запрограммированы и будут верещать до конца света. Эта мысль вызвала в ней новый всплеск неприязни к Дэвиду. Что за идиотский подарок на Рождество — жестокий, мазохистский. Человек, который отвернулся от городской цивилизации, не должен питать такую любовь ко всяким электронным штучкам.

Алекс натянула тренировочный костюм и тихо, чтобы не разбудить Фабиана, вышла в коридор. Радуюсь возвращению сына, завязывала узелок на память: отменить назначенную на вечер встречу, чтобы они могли побыть вместе, может быть, сходить в кинотеатр, а потом в китайский ресторан. Сын вошел в прекрасный возраст — студент второго курса в Кембридже, начинает ясно понимать, как устроен мир, но еще полон энтузиазма юности. Он был ей хорошим собеседником, товарищем.

Она пробежала обычным маршрутом — по Фулхэм-роуд, вокруг Бромптонского кладбища, — потом забрала с крыльца газеты и молоко и вернулась в дом. Ее немно-

¹ Имеется в виду бумажник-органайзер производства фирмы «Filofax».

го удивило, что Фабиан не разбросал, как обычно, повсюду в холле свою одежду, да и машины его она не заметила у входа, но, возможно, он припарковался на другой улице. Она поднялась в спальню, чтобы тихонько принять душ и одеться.

Прикинула, разбудить ли его перед уходом, но в конечном счете прошла в кухню и оставила там записку: «Дорогой, вернусь в семь. Если ты свободен, можем сходить в кино. Целую. Мама».

Потом посмотрела на часы и заторопилась.

Когда она добралась до парковки на Поланд-стрит, ее настроение ухудшилось. Она машинально кивнула сторожу, въезжая на пандус. Чувствовала: что-то не так, но не могла понять что, а потому обвиняла в своей мрачности Дэвида. Выражение лица Фабиана выбило ее из колеи: он словно скрывал от нее некую тайну. Было ощущение, словно существует заговор, о цели которого не осведомлена только она.

Э

Секретарша положила на стол третью стопку пухлых конвертов. Алекс недоуменно посмотрела на нее:

— Джули, это все сегодняшнее?

Она взяла конверт, неуверенно посмотрела на него. «Миз Алекс Хайтауэр, Литературное агентство Хайтауэр» — было написано огромными, кривыми, словно пьяными, буквами.

— Надеюсь, он не переделал рукопись.

— Только что звонил Филип Мейн — спрашивал, расшифровали ли вы его послание. Возможно, он шутил, но я не очень уверена.

Алекс вспомнила проявленные негативы и усмехнулась.

— Я ему перезвоню, когда разберусь с почтой.

— То есть недели через две.

Алекс взяла канцелярский нож и принялась искать место, свободное от липкой ленты.

— Звонил некто Уолтер Флетчер, хотел узнать, прочли ли вы его рукопись.

— Мне это имя ничего не говорит.

— Он жаловался, что рукопись у вас уже почти неделю.

Алекс устала на полки рядом со столом, заваленные рукописями романов, пьес, сценариев фильмов.

— Уолтер Флетчер? А как название?

— «Развитие племенных танцев в Средние века».
— Вы шутите! — Алекс отпила кофе. — Вы ему сказали, что мы не работаем с такой тематикой?

— Я пыталась. Но он, кажется, абсолютно убежден, что его работа станет бестселлером.

Алекс разорвала конверт и вытащила бесформенный комок схваченных резинкой потрепанных бумаг толщиной в несколько дюймов.

— Это ваше. — Она передала бумаги секретарю.

Та поморщилась, приняв тяжелый пакет. Положила бумаги на стол, уставилась на первую страницу с ее почти нечитаемым шифром орфографических ошибок, вымарываний и подчеркиваний красным карандашом.

— Похоже, в его пишущей машинке не было ленты.

— Нужно во всем видеть хорошую сторону. По крайней мере, это не написано от руки.

Прогудел интерком, и Джули сняла трубку.

— Вас — Филип Мейн.

Алекс помедлила несколько секунд.

— О'кей. — Она нажала кнопку. — Ты спятил, — сказала она. — Совсем съехал с катушек.

Послышалось обычное шмыганье, за ним кашель, неизменно похожий на хрюканье, а за этим долгое шипение: он глубоко затягивался неизменной крепкой сигаретой «Кэпстен», которую то извлекал из усов, то снова заправлял в них желтыми от никотина пальцами — указательным и большим.

— Так ты поняла? — В его низком спокойном голосе слышалось мальчишеское возбуждение.

— Поняла? Что я должна была понять?

Шмыганье, кашель, шипение.

— Это абсолютно новая форма коммуникации, новый язык. Мы эволюционируем от диалога в бессистемную коммуникацию, мутировавшую в кинолентку. Больше

никто не берет на себя труд говорить, это слишком банально. Мы делаем фильмы, фотографируем, распространяем все это. Диалог слишком императивен — если ты слушаешь диалог, то он не дает тебе возможности развивать мысли, но когда ты проявляешь чьи-то фотографии, они говорят с тобой... часть твоей души уходит в них.

Алекс посмотрела на свою секретаршу и постучала себя по виску.

— Значит, тридцать шесть фотографий гениталий какого-то животного содержали некое послание ко мне?

Хрюканье, шипение.

— Да.

— До меня они донесли одну мысль: этот фаллос слишком мал.

Джули захихикала.

— «Органы видов».

— «Органы видов»?

— Название. Я придумал название.

— Название чего?

— Новой книги. Мы напишем ее в соавторстве.

Хрюканье.

— Филип, у меня много работы. Пятница — самый тяжелый день.

— Давай позавтракаем вместе на той неделе.

— Я буду очень загружена.

— А как насчет обеда?

— Я думаю, лучше уж ланч.

— Ты мне не веришь. — В его голосе слышалась обида.

— Во вторник. Во вторник я смогу себе позволить короткий ланч.

— Я заеду за тобой в час. Устроит?

— Отлично. Договорились.

Алекс покачала головой и повесила трубку.

— Филип Мейн? — спросила Джули.